

Все говорили, что Цзян Шаочжи слишком балует Тун Цинхэ. Его сестра так говорила, родители Цзян Шаочжи тоже так говорили, и даже сам Тун Цинхэ считал, что Цзян Шаочжи балует его слишком сильно, обращаясь с ним, как с ребенком, который становится все меньше.

Сейчас Цзян Шаочжи, казалось, нянчился с двумя детьми: Тун Цинхэ и ребенком в его животе. Его суровое лицо стало более мягким, чем раньше. Тун Цинхэ с большим животом было трудно спать, и чтобы он мог хорошо отдохнуть, Цзян Шаочжи почти каждый день сидел у изголовья кровати, уговаривая его.

При этом, будучи «железным генералом», он втайне обладал непревзойденным мастерством в уговорах своего мужа. Когда он серьезно говорил слова любви, он выглядел особенно очаровательно. Сейчас Цзян Шаочжи говорил эти слова любви невозмутимо, но если присмотреться, он был необычайно сосредоточен. Его горящие глаза вмещали только Тун Цинхэ. Тун Цинхэ часто терялся в его взгляде.

Иногда Тун Цинхэ так смущался, что его лицо краснело. Они были женаты уже столько лет, у них уже был ребенок, но он все еще не мог вынести единственного взгляда Цзян Шаочжи, который был обращен только на него, как будто он был окутан страстным океаном.

Часто, когда они были одни, Тун Цинхэ протягивал руку, чтобы прикрыть глаза Цзян Шаочжи, и, слегка опьяненный, шептал ему на ухо:

— Дядя, не смотри так.

Цзян Шаочжи убирал его руку, целовал кончики его пальцев, один за другим, не пропуская ни одного, поднимаясь вверх по пальцам, и наконец, прикоснулся к уголкам его губ, передавая ему горячий воздух. Затем он смотрел, как спокойный взгляд Цзян Шаочжи постепенно терял контроль, подавляя и сдерживая, а затем высвобождая свои чувства к нему, страстные, обжигающие.

Чувствуя глубокие и сильные чувства Цзян Шаочжи, Тун Цинхэ иногда хотелось уменьшиться и всегда оставаться в кармане Цзян Шаочжи, куда бы тот ни пошел, чтобы он мог взять его с собой. Он действительно очень, очень сильно любил Цзян Шаочжи.

Живот Тун Цинхэ становился все больше. Регулярные обследования, проводимые врачом, не выявили никаких аномалий. Наоборот, ребенок в его животе уже получал избыток питательных веществ, высасывая все до капли из своего собственного отца. Лицо Цзян Шаочжи слегка похолодело. Он был недоволен тем, что ребенок отнимает у Тун Цинхэ питательные вещества, и думал, что когда ребенок родится, его придется с самого детства воспитывать должным образом.

Стало холодно, и срок родов приближался. Тун Цинхэ с большим животом с трудом передвигался, поясница не держала силы, и он проводил дни, расслабленно лежа дома. В каждой части дома были аккуратно разложены кашемировые одеяла, чтобы Тун Цинхэ мог в любое время ходить босиком, или если он не хотел лежать на диване или стуле, он мог выбрать

уютный уголок, чтобы прислониться, обхватив живот.

В этом году выпал редкий снег. Как только Цзян Шаочжи вышел из машины, его охранники тут же подошли, чтобы раскрыть зонт, не позволяя ни одной снежинке упасть на плечи их генерала.

— Где Тун-Тун? — Расстегивая пальто, Цзян Шаочжи уже осмотрел все уголки гостиной. Тетушка указала на верхний этаж, прикрыв рот рукой и улыбаясь: — Он наверху читает книгу. Ждет, когда вы вернетесь.

Цзян Шаочжи кивнул и прямо поднялся на второй этаж, где за низким столиком нашел спящего Тун Цинхэ. Он взял Тун Цинхэ на руки, на нем не было снега, он всегда был теплым. А у Альфы температура тела была выше, чем у обычных людей. Цзян Шаочжи был для Тун Цинхэ словно грелка. Окутанный этим знакомым теплом, Тун Цинхэ, все еще прищутив глаза, подсознательно прижался еще ближе к Цзян Шаочжи, его пальцы нащупали ухо Цзян Шаочжи, теплое, без малейшего холода.

Тун Цинхэ прищурился и улыбнулся:

— Дядя теплый.

Ему сейчас неудобно обнимать Цзян Шаочжи, большой живот оказывался между ними, и он боялся, что если прижмется ближе, ему будет больно. Тун Цинхэ ласково погладил живот:

— Баобао, когда ты выйдешь, я смогу обнять твоего папу.

Ожидание ребенка становилось все сильнее. Альфа-ребенок был активным и энергичным, еще с утробы он был живым и игривым.

Врач назначил примерный срок родов после Нового года. Во время празднования Нового года Тун Цинхэ почувствовал, что живот стал неважным, появилось ощущение тяжести и давления. Днем он собирался приготовить новогодние угощения с тетужкой, но Тун Цинхэ внезапно крепко схватил руку тетужки и, опираясь на поясницу, с трудом сел.

Тетушка поспешно связалась с врачом и Цзян Шаочжи. Лицо Тун Цинхэ постепенно теряло румянец, он нахмурился и с трудом произнес:

— Всегда кажется, что малыш вот-вот выйдет.

Врач и Цзян Шаочжи вошли почти одновременно. Цзян Шаочжи осторожно поднял Тун Цинхэ и отнес его в родильную палату на втором этаже. После того, как врач провел все необходимые приготовления, он начал осматривать Тун Цинхэ.

Глаза Тун Цинхэ все еще смотрели на Цзян Шаочжи. Из-за боли в словах слышались обида и страх. Он крепко сжал руку Цзян Шаочжи:

— Ребенок скоро родится...

Цзян Шаочжи глубоко смотрел на него. Врач сказал:

— Преждевременные роды.

Врачу нужно было принять роды у Тун Цинхэ. Тун Цинхэ оттолкнул Цзян Шаочжи. У него уже не было сил. Его глаза покраснели:

— Иди подожди снаружи. Скоро увидишь баобао.

Цзян Шаочжи, сдерживая эмоции, наклонился и поцеловал его влажные глаза:

— Чего ждать? Мой баобао прямо передо мной.

Цзян Шаочжи не собирался выходить, и врач не мог его выгнать. Следуя указаниям врача, проведя дезинфекцию и переодевшись в медицинскую одежду, Цзян Шаочжи все время находился рядом с Тун Цинхэ. Несмотря на эпидуральную анестезию, Тун Цинхэ все равно очень сильно страдал, проведя в родильной палате целых восемь часов, прежде чем родить ребенка.

Это был живой и активный мальчик-альфа. Тун Цинхэ не успел его рассмотреть, как в объятиях Цзян Шаочжи погрузился во тьму.

Ребенок Тун Цинхэ родился в канун Нового года, что принесло праздничную атмосферу. Его прозвали «Нянь-Нянь» (Годик).

Чтобы заботиться о двух баобао в доме, Цзян Шаочжи временно отложил свои государственные дела, ухаживая за Тун Цинхэ неотлучно.

Тетушка видела, что Цзян Шаочжи все делал сам, и не стала мешать, передав уход за Тун Цинхэ ему. Большую часть времени она присматривала за ребенком. С появлением еще одного человека в доме стало оживленнее. Когда ребенок подрастет и станет более активным, будет еще веселее.

Цзян Шаочжи очень хорошо заботился о Тун Цинхэ. Поэтому, когда Тун Цинхэ почувствовал болезненность в груди и прикоснулся к ней, обнаружив, что одежда стала влажной. Он замер, потом тут же позвал Цзян Шаочжи. Цзян Шаочжи внимательно поднял его одежду, чтобы осмотреть, сначала помолчал, а потом посмотрел на него.

Лицо и уши Тун Цинхэ покраснели. Он, казалось, уже понял, что происходит, но изо всех сил мотал головой:

— Невозможно, невозможно.

Сколько бы Тун Цинхэ ни говорил «невозможно», после осмотра врачом выяснилось, что у него действительно возникла галакторея (выработка молока).

Лицо Тун Цинхэ было безжизненным, брови словно читались как горечь.

— Дядя...

Он винил Цзян Шаочжи за то, что тот так хорошо его кормил, что он не только вернул себе прежний вес, но и прибавил в других местах. Тун Цинхэ не разговаривал с Цзян Шаочжи, смотрел, как тетушка кормит ребенка. В наше время уже можно было производить искусственное грудное молоко, и проблем с употреблением искусственного молока у ребенка с рождения не возникало.

После нескольких дней наблюдения лицо Тун Цинхэ становилось все более морщинистым. Однажды он сказал тетушке:

— Я покормлю баобао. Все равно у меня есть молоко, так что не стоит тратить впустую.

Цзян Шаочжи смотрел черным лицом, как ребенок активно прижимался к груди Тун Цинхэ. Он отвел глаза, но не мог перестать смотреть. Одежда немного испачкалась. Он протянул руку, чтобы вытереть ее, и приложил к губам.

Тун Цинхэ кормил баобао несколько дней подряд. Врач сказал, что молока слишком много, и его хватит на десять дней, полмесяца или даже месяц. Ребенок тоже был привязан к отцу. Еще в животе он изрядно помучил Тун Цинхэ, а после рождения стал еще более бесцеремонным. Однажды, когда Цзян Шаочжи купал Тун Цинхэ, он остро заметил, что Тун Цинхэ был укушен.

Он повернул Тун Цинхэ, его гнев выплеснулся наружу, отражаясь в глазах, темных и мрачных.

— Я сам не смею тебя кусать. Малыш только недавно родился, а уже укусил мое сокровище, да еще и в...

Цзян Шаочжи протянул руку, чтобы прикоснуться, и нанес Тун Цинхэ мазь.

Тун Цинхэ был очень чувствителен и увернулся:

— Я сам.

Цзян Шаочжи сказал: — Завтра кормить его не будешь.

Тун Цинхэ хотя и не злился уже, но, думая о том, что ему придется пройти через этот неловкий период, он не мог смотреть на Цзян Шаочжи.

— Мне неприятно. Все из-за тебя.

Позволить мужчине кормить младенца грудью — кому угодно было бы тяжело морально.

Цзян Шаочжи унес его обратно в комнату, его лицо было абсолютно невозмутимым:

— Покорми меня.

Тун Цинхэ: — ...

Он умело посадил его себе на колени. Цзян Шаочжи был очень серьезен:

— Ммм.

Тун Цинхэ хотел закричать, но не мог. Ему было так стыдно, что он закрыл рот рукой, считая Цзян Шаочжи слишком нелепым. Как такой строгий и величественный человек мог говорить такие вещи и делать такое?

Но нелепость Цзян Шаочжи была только для него одного. Тун Цинхэ закружился в голове и вырвал несколько прядей волос Цзян Шаочжи.

Когда весной прояснилось, Тун Цинхэ выгуливал Нянь-Няня в саду.

Внушительный Цюнци следовал за ним по пятам. Нянь-Нянь был слишком мал для него, и, боясь напугать его, Цюнци ходил очень осторожно, при этом выглядя неуклюже милым.

Взрослый коала лениво свернулся калачиком и спал на голове Цюнци. Цветы расцвели ярко. Цюнци, увидев красивые цветы, украдкой сорвал один, зажал его в зубах и положил рядом с коалой, которая часто дремала, обхватив ствол дерева, ожидая, когда она проснется, чтобы подарить ей.

Тун Цинхэ посмотрел на уже наполовину лысый сад, потом на Цюнци без тени раскаяния, и ему стало смешно. Это было так же, как у Цзян Шаочжи, который всегда считал, что все, что он делает, естественно.

Цзян Шаочжи проводил межзвездное совещание. Только войдя, он услышал шум в саду. Тун Цинхэ что-то говорил ребенку, смеясь.

Его одежда свободно свисала на нем. Цзян Шаочжи смотрел на него неподвижно.

Эта встреча длилась целый день. Для обычных людей это был короткий день, но для Цзян Шаочжи он был тяжелее, чем для обычных людей, потому что он больше скучал по своему партнеру. Он, как нормальный мужчина, скучал по своему партнеру, скучал по нему со всех сторон.

Ребенка внезапно положили в детскую коляску, а затем Тун Цинхэ целиком взлетел в воздух. Он повернулся. Цзян Шаочжи приказал тетушке позаботиться о малыше немного. Баобао все еще смотрел на своих двух пап и беззаботно хихикал. В следующее мгновение Цзян Шаочжи поднял Тун Цинхэ и направился наверх, игнорируя смеющегося сына.

Тун Цинхэ поспешно прикрыл нос. Густые феромоны вызвали учащенное сердцебиение.

— Дядя, что ты делаешь...

Цзян Шаочжи крепче обнял его:

— Внезапно очень захотел тебя.

В этот момент желание нахлынуло внезапно.

Какой год после свадьбы?

Цзян Шаочжи не считал, и Тун Цинхэ тоже не считал.

Они были вместе, время размылось, настолько, что они всегда любили друг друга и до сих пор сильно любили.

<http://bllate.org/book/4/172>